

SOCIOLINGVISTIKA/SOCIOLINGUISTICS

Что значит быть грубым по-английски?

Марина А. Егорова

Аннотация. В статье сопоставляются различные точки зрения на понятия «вежливости», «нормы» и «грубости». Подчеркивается актуальность включения в сферу прагматического анализа НЕкооперативного коммуникативного поведения, наряду с традиционно изучаемым кооперативным. Объектом рассмотрения выступает преднамеренная мотивированная грубость как сознательно избираемая индивидом линия поведения. Преднамеренная грубость противопоставляется с одной стороны вежливости, а с другой – немотивированной грубости, имеющей место вследствие неосознанного нарушения индивидом некой социальной нормы. Выделяются две формы реализации преднамеренной грубости – активная и пассивная. Активная грубость подразделяется на явную (оскорбления) и скрытую (ироничные высказывания). Дается подробная характеристика вводимому нами понятию пассивной грубости. Пассивная грубость не имеет особых внешних проявлений и состоит в значимом отсутствии вежливости, в силу чего данный вид грубости всегда носит скрытый характер. Рассматриваются причины неадекватной интерпретации английской преднамеренной грубости иностранцами и, в частности, носителями русской культуры. В качестве основной причины указывается скрытый характер английской преднамеренной грубости, реализуемой преимущественно либо посредством ироничных замечаний, либо в форме пассивной грубости. Сложности распознавания английской пассивной грубости инофонами объясняются также существованием межкультурных различий в концептуализации соотношения вежливости, нормы и грубости. Настоящая работа развивает и конкретизирует ряд теоретических положений, выдвинутых в статье «Преднамеренная грубость как объект социопрагматического анализа» (Егорова, 2001).

Разработка теории вежливости (politeness), способной дать определение и научное объяснение данному феномену, а также эмпирическое изучение и описание систем вежливости в различных культурах составляют одно из магистральных направлений исследования в прагматике. Зарождение данного направления, нередко именуемого *социопрагматическим*, приходится на середину 70-ых гг. прошлого века (Ide, 1993: 7), а его пик, очевидно, – на 80-90 гг. ибо именно в это время один за другим выходят тематические выпуски столь престижных журналов как *Journal of Pragmatics* (1990) и *Multilingua* (1988, 1989, 1993), посвященные указанной проблематике. Сегодня тема вежливости в межличностном общении привлекает, возможно, несколько меньше внимания, чем десять лет назад, однако она отнюдь не утратила своей актуальности – многие из ее аспектов по-прежнему не изучены, а ряд ключевых вопросов до сих пор не имеют однозначного решения. К числу последних относится вопрос о соотношении вежливости с такими смежными понятиями как «норма» и «грубость». По этому поводу в научной литературе высказывались различные точки зрения, которые, однако, могут быть сведены к двум основным теоретическим моделям. В рамках первой (например, Brown, Levinson, 1978), вежливость противопоставляется не только грубости, но и норме, т.е. нейтральному поведению, не маркированному ни положительно, ни отрицательно:

«ВЕЖЛИВОСТЬ» (+) vs. «НОРМА» vs.
«ГРУБОСТЬ» (-).

Во второй модели (например, Fraser, 1990: 232-234) противопоставление вежливости и грубости является бинарным, т.к. понятия «вежливость» и «норма» полностью отождествляются:

«ВЕЖЛИВОСТЬ» (+) vs. «ГРУБОСТЬ» (-).

Представляется, что для решения обозначенной выше проблемы или, по крайней мере, достижения качественно нового уровня в ее осмыслении социопрагматике, наряду с дальнейшим изучением особенностей кооперативного поведения (т.е. вежливости и нормы) необходимо уделить более пристальное внимание феномену грубости. При этом речь идет, прежде всего, о грубости *преднамеренной*, ибо именно последняя противостоит вежливости/норме как особая, сознательно избираемая индивидом линия поведения.

Существенно, что до сих пор социопрагматику, в связи с тем, что ее усилия были направлены на разработку «теории бесконфликтной коммуникации» (Егорова, 2001), в основном, если не исключительно, интересовала иная разновидность грубости – грубость *немотивированная*. Данный вид грубости является следствием социальной некомпетентности коммуниканта и встречается в речи либо иностранцев, неосознанно осуществляющих негативный социопрагматический

перенос (см. об этом Edmondson, House, 1991; Garcia, 1992; Gumperz, 1982; Kasper, Blum-Kulka, 1993), либо детей и подростков, социальные навыки которых находятся в стадии развития (Ervin-Tripp, Gordon, 1986; Gordon, Ervin-Tripp, 1984).

Преднамеренная мотивированная грубость, наблюдаемая в речевом (а также неречевом) поведении взрослых носителей той или иной культуры, практически не изучена. Исследования в данной области, в чем мы с самых первых шагов имели возможность убедиться на собственном опыте, требуют не только разработки нового понятийно-терминологического аппарата, но и создания особых методик анализа языкового материала. Последние необходимы для того, чтобы выделять в потоке речи интересующие случаи преднамеренной грубости на основании объективных критериев, в отсутствие которых исследователю приходится полагаться в целом на свою интуицию.

К числу вопросов, представляющих наибольший интерес на данном этапе, можно отнести следующие. Во-первых, важно выявить причины, по которым носители языка осознанно идут на нарушение социальных норм. Если кооперативное, взаимно вежливое поведение является рациональным способом социального взаимодействия, то что же заставляет коммуникантов сознательно отклоняться от этой линии поведения? Весьма актуальна задача выявления и типологизации конкретных форм проявления преднамеренной грубости, равно как и их сравнительный анализ с формами проявления непреднамеренной грубости. Представляют существенный интерес особенности грубого поведения коммуникантов в различных дискурсивных условиях. И, наконец, едва ли изучена **национально-культурная специфика** преднамеренной грубости, чему в основном и посвящена настоящая статья.

Обратиться к данному вопросу нас побудили многочисленные наблюдения (сделанные как в условиях естественного общения, так и при работе с литературными текстами), свидетельствующие о том, что некоторые формы **английской** преднамеренной грубости типично не распознаются носителями других культур, даже при условии свободного владения английским языком.

Одно из характерных проявлений грубости по-английски, неизменно вызывающее трудность у иностранцев, — это **ироничные замечания**, наносящие урон лику адресата.

Как и любые другие ироничные высказывания, такие замечания отвечают следующим критериям:

- для них характерно наличие двусмысленности, т.е. двух различных пластов/уровней смысла — буквального и скрытого;
- данные уровни находятся в отношении противоречия;
- у говорящего имеется возможность отрицать намерение выразить какой-либо иной смысл,

помимо буквального («фактор невиновности» — Katinienė, 2001: 163).

Весьма распространенный прием ироничной грубости — выражение порицания под видом похвалы. Это позволяет говорящему, благодаря «фактору невиновности», нарушая социальную норму, оставаться безнаказанным, т.е. избегать общественного осуждения или других санкций, обычно применяемых обществом к его членам в случаях более явного грубого поведения последних.

Скрытый смысл такого рода ироничных замечаний, как показывает анализируемый материал, зачастую остается неясен иностранцам. В тех ситуациях, когда объектом иронии являются они сами, непонимание истинного намерения говорящего (к определенному удовольствию аудитории) лишает их возможности тем или иным способом «парировать удар». В этом плане показателен эпизод из современного английского рассказа *Empire Building** (Deborah Moggach), в котором благовоспитанная англичанка (Mrs Yates), находясь в гостях у нового соседа — состоятельного пакистанца Хамида, недавно переехавшего в респектабельный район Лондона, маскирует весьма критические замечания о внутреннем устройстве его дома под комплименты. Хамид, несмотря на то, что он живет в Англии уже много лет и свободно владеет английским, воспринимает адресованную ему «похвалу» буквально:

"Charming," said Mrs Yates. "Love the wallpaper, awfully daring." (...) Looking at the pleasant faces, Hamid felt a flush of satisfaction. (...)

"Carpets everywhere!" said Mrs Yates. "And what an original colour!"

"Must have cost you," said Mr Thompson, man to man. Hamid nodded modestly, his face hot with pleasure.

Комментируя данную сцену для русских студентов, изучающих английский язык, Карен Хьюит — составитель сборника *Contemporary British Stories* — пишет:

"Love the wallpaper, awfully daring": This and the later comment, "What an original colour!" are a "polite" way of saying, "What terrible wallpaper, what clashes of colour! What strange ways of decorating your house!" The reader understands, but Hamid does not, that this is an English coded way of being very critical and (if recognised), rather rude.

Данный комментарий, безусловно, интересен предлагаемыми пояснениями, одновременно с этим, однако, он явно указывает на то обстоятельство, что английская ироничная грубость, в силу присущей ей национально-культурной специфики, может быть неверно истолкована не только ее прямым адресатом-иностранцем, но и иностранной частью аудитории, наблюдающей за подобным диалогом со стороны. Утверждая, что читателю, в отличие от самого Хамида, ясен истинный смысл происходящего: *"The reader understands, but Hamid does not..."*, Карен Хьюит, несомненно, имеет в виду читателя английского, а не

* См. сборник рассказов *"Contemporary British Stories"* под редакцией К. Хьюит (Oxford: Perspective Publications Ltd., 1994), снабженный социокультурным комментарием, адресованным русским читателям.

тех, кому предназначен ее комментарий, т.е. иностранцев. В этом случае непонимание последними скрытого смысла ироничных замечаний может привести к неверной интерпретации интенции автора рассказа.

Еще одна форма преднамеренной английской грубости, вызывающая сложности у иностранцев, независимо от того, выступают ли они в роли непосредственного участника диалога или его наблюдателя, – это грубость, характеризующаяся нами как *пассивная*.

Пассивная грубость заключается в отсутствии вежливости. Под вежливостью в данном случае мы понимаем особую линию поведения индивида в обществе, выстраиваемую им с учетом интересов и притязаний окружающих (или, по крайней мере, с учетом их присутствия в непосредственной близости).

Придерживаясь такой линии поведения, в английской культуре, в частности, следует:

- прежде, чем занять свободное место в общественном транспорте, кафе и т.д. осведомляться, свободно ли оно (*Is this seat taken?*);
- входя в здания/помещения (или покидая их), придерживать дверь для идущих сзади;
- предварять временное размыкание контакта с собеседником, например, для того, чтобы ответить на телефонный звонок, извинением (*Excuse me*);
- выходя на время из комнаты, в которой находятся знакомые люди, сообщать куда идешь и/или как скоро вернешься (*I'll be right back/Back in a sec*).

Отсутствие любого из перечисленных выше действий в соответствующей ситуации значимо и расценивается в английской культуре как грубость. Такая пассивная (негативная) грубость может быть противопоставлена грубости активной (позитивной), т.е. реализуемой посредством особых нарушающих социальную норму поведенческих актов (как речевых, так и неречевых), эксплицитной разновидностью которых являются оскорбления, а имплицитной – рассмотренные выше липоповреждающие ироничные замечания.

Поскольку пассивная грубость не имеет каких-либо «осоздаваемых» проявлений, обнаружить ее можно лишь, сопоставив формат данного коммуникативного события с неким эталоном (скриптом), в результате чего и могут быть обнаружены те или иные отклонения в поведении участников. Скрипты коммуникативных событий, являющиеся частью фоновых знаний коммуникантов, полностью не совпадают в различных культурах. Следовательно, для иностранцев выявить такого рода нарушения социальной нормы носителями изучаемой культуры значительно сложнее, чем зафиксировать те или иные проявления активной грубости, в особенности, когда эти проявления носят явный, а не скрытый характер.

Приводимый ниже диалог из романа Д. Лоджа *Nice Work* содержит несколько интересных примеров пассивной грубости, как правило, ускользающих от внимания инокультурной читательской аудитории.

Участники общения – только что встретившиеся преподаватель университета Робин Пэнроуз и директор завода Виктор Уилкоккс. Помимо собственной воли они оказываются втянутыми в абсурдный, с их точки зрения, проект (*Shadow Scheme*), целью которого является обмен опытом между университетами и промышленными предприятиями. В соответствии с условиями проекта, Робин должна один день в неделю проводить на заводе, наблюдая за работой Уилкоккса. Последний же, воспринимающий любого постороннего рядом как существенную помеху, помимо всего прочего раздосадован тем обстоятельством, что этот посторонний – женщина:

"Like some coffee?" said Wilcox, taking her coat and hanging it on the back of the door.

Robyn said she would love some.

"Have a seat". He indicated an upright armchair drawn up at an angle to his desk, to which he now returned. He flicked a switch on a console and said, "Two coffees, please, Shirley". He thrust a cigarette pack in her direction. "Smoke?"

Robyn shook her head. He lit one himself, sat down and swivelled his chair to face her. "Haven't we met before?" he said.

"Not that I'm aware of."

"I've a feeling I've seen you recently."

"I can't imagine where that would be."

Wilcox continued to stare at her through a cloud of smoke. If it had been Everthorpe, she would have dismissed this performance as a clumsy pass, but Wilcox seemed teased by some genuine memory.

"I'm sorry I'm a bit late," she said. "The roads were terrible, and I got lost."

"You're a week late," he said. "I was expecting you last Wednesday."

"Didn't you get my message?"

"About halfway through the morning."

"I hope I didn't inconvenience you."

"You did, as a matter of fact. I'd cancelled a meeting."

He did not lighten this rebuke with a smile ...

Опрошенные нами русские информанты^{**}, знакомившиеся с романом в подлиннике, характеризуют стиль обращения Вика с Робин, единогласно определили его как «недружелюбный», но отнюдь не грубый. Между тем, у самой героини поведение Вика вызывает совершенно иную реакцию:

"Robyn felt herself growing warm with resentment of his rudeness, mingled with the consciousness that her own conduct had not been entirely blameless."

Основная причина ошибочной интерпретации модальности диалога участниками эксперимента, как показал дополнительный опрос, – пассивный характер грубости Вика, которая была первоначально не распознана носителями русской культуры.

Начнем с того, что достаточно фамильярный, резкий характер предложений Вика, реализуемых либо в фор-

^{**} В опросе приняли участие 50 студентов 3-го курса английского отделения факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета, имеющие продвинутый уровень (*advanced level*) владения английским языком. Его результаты полностью подтвердили нашу гипотезу о наличии культурного барьера, препятствующего адекватному восприятию английской пассивной грубости носителями русской культуры.

ме императива: *"Have a seat"*, либо в форме эллиптических вопросов: *"Like some coffee?"*, *"Smoke?"*, обнаруживается только на фоне более уместной в данном ситуативном контексте формы: *"Would you like to do/have smth.?"*

Далее, в соответствии с вежливым скриптом, после отказа Робин от сигареты Вика следовало спросить разрешения закурить в ее присутствии: *"Do you mind if I smoke?"* Существенно, что в дальнейшем, после того, как отношения между героями нормализовались, Вик (продолжая находиться на собственной территории) ни разу более «не забывает» задать Робин указанный вопрос, что служит дополнительным подтверждением его намеренной грубости в рассматриваемом эпизоде.

Еще одно проявление пассивной грубости Вика – отклонение извинений Робин как за ее нынешнее опоздание: *"I'm sorry I'm a bit late. The roads were terrible, and I got lost."*, так и за несвоевременную отмену визита на прошлой неделе: *"I hope I didn't inconvenience you."* Для понимания эффекта, произведенного на Робин реакцией Вика, необходимо знать скрипт ситуации извинения в английской культуре. Последний же предписывает (при общении малознакомых людей) обязательное принятие извинений партнера, независимо от истинных чувств пострадавшей стороны. Ответы Уилкокка: *"You're a week late. I was expecting you last Wednesday."* и *"You did, as a matter of fact. I'd cancelled a meeting"*, не содержащие в себе каких-либо особых маркеров грубости, воспринимаются Робин как грубые исключительно в силу нарушения указанного выше предписания скрипта.

Сложности адекватного восприятия английской пассивной грубости носителями иной культуры, как уже было упомянуто выше, могут объясняться частичным несовпадением вежливых скриптов того или иного коммуникативного события в разных культурах. Так, если в культуре А принятие извинения обязательно, ответная реакция в культуре В может быть задана скриптом менее жестко. Соответственно, в этой культуре, в отличие от культуры А, отклонение извинения при наличии достаточно веских причин (так же как, скажем, отклонение трудновыполнимой просьбы) не будет считаться грубостью. Напомним, что у Вика такие причины, несомненно, имелись, однако, в контексте английской культуры это оказывается существенным.

Указанные сложности, наряду с этим, однако, могут быть вызваны и более глубокими межкультурными различиями, а именно, межкультурными различиями во взглядах на соотношение «вежливости» и «грубости».

Выше нами были охарактеризованы две различные модели, представляющие данное соотношение в рамках либо трехчленной (вежливость vs. норма vs. грубость), либо бинарной (вежливость vs. грубость) оппозиций. До настоящего времени эти модели рассматривались как *конкурирующие* (см., например, Fraser, 1990). Не исключено, однако, что на самом деле в теоретическом плане они *дополняют* друг друга, отражая два воз-

можных способа концептуализации явлений вежливости и грубости, свойственных разным культурам. Характер соотношения вежливости, нормы и грубости в каждой конкретной культуре влияет на то, как ее носители оценивают ликоповреждающий эффект тех или иных действий: в то время как в одних культурах отсутствие вежливого (т.е. предупредительного, внимательного) отношения к партнеру попадает в «зону» грубости (Модель 2 – бинарная оппозиция), в других культурах аналогичное поведение может рассматриваться как нейтральное, немаркированное (Модель 1 – трехчленная оппозиция) и, следовательно, не наносящее какого-либо морального урона окружающим.

Итак, мы выделили две формы реализации преднамеренной грубости – грубость пассивную и грубость активную. Последняя может носить либо эксплицитный (явный), либо имплицитный (скрытый) характер. Анализ показывает, что в английской культуре преобладают скрытая активная грубость и пассивная грубость. Для выявления как той, так и другой необходима *инференция*. Это в корне отличает английскую культуру от культур, в которых преднамеренная грубость, как правило, реализуется эксплицитно. Наряду с этим, однако, специфичным для данной культуры может оказаться само явление «пассивной» грубости, состоящее в отсутствии вежливости, ибо механизм его реализации требует *бинарного* противопоставления вежливости и грубости, свойственного далеко не всем культурам.

В заключение подчеркнем, что сведения о культурной специфике преднамеренной грубости, представляющие, наряду с другими вопросами, обозначенными в начале статьи, большой теоретический интерес для социопрагматики, имеют также и сугубо практическую ценность для лингводидактики. Такие сведения развивают способность обучаемых ориентироваться в чужой культурной среде, что важно как для понимания иноязычной литературы, так и для выработки адекватной линии поведения при непосредственном иноязычном общении.

Литература

1. Егорова, М. А. (2001). Преднамеренная грубость как объект социопрагматического анализа // Социальная власть языка: Сб. науч. трудов. – Воронеж: Воронежский государственный университет. – С. 188-193.
2. Brown, P., Levinson, S. (1978). Universals in Language Usage: Politeness Phenomena // Goody, E. (ed.) Questions and Politeness. – Cambridge: CUP: 56-289.
3. Edmondson, W., House, J. (1991). Do Learners Talk too Much? The Waffle Phenomenon in Interlanguage Pragmatics // Foreign/Second Language Pedagogy Research. – Clevedon, Philadelphia: Multilingual Matters: 273-287.
4. Ervin-Tripp, S., Gordon, D. (1986). The Development of Requests // Shiefelbusch, R. L. (Ed.) Communicative Competence: Assessment and Intervention. – San Diego, CA: College-Hill Press: 61-95.
5. Fraser, B. (1990). Perspectives on Politeness // Journal of Pragmatics. – Vol. 14. – N. 2: 219-236.
6. Garcia, C. (1992). Responses to a Request by Native and Non-native English Speakers: Deference vs. Camaraderie // Multilingua. – Vol. 11. – N 4: 387-06.

7. Gordon, D., Ervin-Tripp, S. (1984). The Structure of Children's Requests//Shiefelbusch R.L., Pickar J. (Eds.) The Acquisition of Communicative Competence. – Baltimore: University Park Press: 295-321.
8. Gumperz, J. (1982). Discourse Strategies: Studies in Interactional Sociolinguistics. – Cambridge: Cambridge University Press.
9. Ide, S. (1993). Preface: The Search for Integrated Universals of Linguistic Politeness//Multilingua. – Vol. 12. – N. 1: 7-11.
10. Kasper, G., Blum-Kulka, S. (1993). (Eds.) Interlanguage Pragmatics. – New York, Oxford: Oxford University Press.
11. Katinienė, N. (2001). Agents of Ironic Act//Žmogus kalbos erdvėje: Mokslinių straipsnių rinkinys. – Kaunas – Pp. 163-166.

Marina A. Jegorova

Ką reiškia angliškasis grubumas?

Santrauka

Straipsnyje pateikti skirtingi požiūrio taškai į sąvokas „mandagumas“, „norma“ ir „grubumas“. Pabrėžiamas įtraukimo į sferą pragmatinės, NEkooperacinio komunikacinio elgesio, lyginant su tradiciškai tyrinėjamu kooperatiniu elgesiu, analizės aktualumas. Tyrinėjimo objektu yra apgalvotas ir motyvuotas grubumas, kaip sąmoningas individo pasirenkamas elgesio stereotipas. Apgalvotas grubumas yra priešpastatomas mandagumui ir nemotyvuotam grubumui, kuris kyla dėl individo nesąmoningai pažeistos socialinės normos. Yra išskiriamos dvi sąmoningai pasirinkto grubumo pasireiškimo formos – aktyvioji ir pasyvioji. Aktyvusis grubumas dar skirstomas į aktyvųjį (ižeidžiantį) ir paslėptąjį (ironiškus pasisakymus). Pateikiama išsami įvestos pasyvaus grubumo sąvokos charakteristika. Pasyvusis grubumas, kuris yra akivaizdus nemandagumas, neturi aiškos išorinės išraiškos ir dėl šios priežasties toks grubumas visada turi užslėptą charakterį. Straipsnyje nagrinėjama, kaip užsieniečiai, konkrečiai – rusų kultūros atstovai, vertina neadekvačios angliškojo sąmoningo grubumo interpretacijos priežastis. Kaip pagrindinė priežastis yra nurodomas paslėptas sąmoningas angliškasis grubumas, pasireiškiantis tik pasyviuoju grubumu arba ironiškais pasisakymais. Šį fenomeną galima paaiškinti tuo, kad skirtingose kultūrose nevienodai vertinama „mandagumo“, „normos“ ir „grubumo“ sąveika.

Straipsnis įteiktas 2002 06
 Parengtas spaudai 2003 06

Об авторе

Марина А. Егорова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета. Проходила научные стажировки в Великобритании и США. Является членом Международной прагматической ассоциации (IPrA)

Основная сфера исследовательских интересов в лингвистике – прагматика. Имеет свыше 30 публикаций в данной области; неоднократно принимала участие во всероссийских и международных лингвистических научных конференциях

Адрес: Университетская пл., 1, 394006, г. Воронеж, Россия

Ел почта: yegorova@eng.vsu.ru, yegorova@box.vsi.ru

